

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора исторических наук, доцента кафедры истории России Воронежского государственного университета

Селезнева Юрия Васильевича о диссертации

Галимова Тэймура Рустэмовича

на тему: **«Место киевского митрополита в церковно-ордынских отношениях: 1231 -1281 гг.»**, представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 - Отечественная история в диссертационный совет ДМ212.275.01 на базе ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Период середины XIII столетия представляет собой время потери русскими княжествами суверенитета в результате военного поражения в ходе нашествия монголов в 1220-1240-х гг. Русские князья в сложившейся ситуации обязаны были отстоять свою независимость или признать верховенство завоевателей. На протяжении 1240-1250-х идёт процесс оформления русскими князьями положения зависимости от Орды. Эти события несомненно свидетельствуют о том, что русское общество пережило изменения насильственного характера, которые привели к слому устоявшихся связей и структур в различных слоях социума того времени. Очевидно, что переживали изменения и церковные связи, а также выстраивались и развивались церковно-ордынские отношения. Несомненно, что анализ событий взаимодействия Православной церкви и Орды должен раскрыть не только последовательность событий, но и содержательные изменения в отношениях церкви и светских институтов как в Орде, так и на Руси. Рассмотрение же причин и последствий выявленных процессов, явлений и связей позволяет реконструировать особенности церковного влияния на развития древнерусского общества или отдельных сообществ (в частности, конфессиональных), что, несомнен-

но, представляет собой актуальную научную проблему и требует решения на современном уровне развития исторической науки.

В силу вышеизложенного предложенная тема «Место киевского митрополита в церковно-ордынских отношениях: 1231 -1281 гг.», составившая научную проблему диссертации Галимова Тэймура Рустэмовича представляет собой **актуальный исследовательский вопрос**.

Целью работы обозначено выявление места института киевских митрополитов в системе церковно-ордынских отношений в период святительства митрополитов Иосифа и Кирилла II (1237–1281 гг.).

Достижению указанной цели подчинены задачи исследования: 1) Уточнить и систематизировать формы участия киевских митрополитов в дипломатической практике домонгольской Руси; 2) Проанализировать процесс становления церковно-ордынских отношений в первые десятилетия монгольского господства; 3) Выявить степень влияния Орды на состояние митрополичьей кафедры и русской церковной организации во второй половине XIII в.), а также структура представленной рукописи, которая представляется вполне оправданной.

В рамках предложенных итогов и выводов исследования стоит принять положение диссертанта о том, что к 1230-м гг., ко времени вторжения войск Батыея на русские княжества, церковная организация на Руси представляла собой вполне сформировавшийся институт, вписанный в систему древнерусских общественных и социально-политических отношений. Важным наблюдением автора является положение согласно которому византийское происхождение митрополитов и набор канонических инструментов, наличествовавший у русских первосвятителей, позволяли им активно участвовать в

международных, русско-ордынских и межкняжеских отношениях Руси, в том числе и в первые десятилетия монгольского господства.

Не вызывает сомнений заключение автора о том, что исчезновение в 1240 г. митрополита Иосифа осложнило церковную ситуацию на Руси. (В связи с канонической неопределенностью правопреемников распавшейся Византии и в условиях угроз со стороны монголов киевская первосвятительская кафедра оказалась пустующей. В результате на вдовствующую митрополичью кафедру Киева было выдвинуто три кандидатуры. За каждой из них стояли различные властные и церковные группы). Внутриполитическая между-княжеская борьба привела к непродолжительной победе Даниила Романовича в его борьбе с Михаилом Черниговским за Киевский стол. Это предопределило успех выдвинутого галицким князем кандидата на митрополичий престол. Им стал Кирилл, скорее всего, бывший печатник князя Даниила Романовича. Личность нового нареченного первоиерарха наиболее полно удовлетворяла задачам, возникшим перед русской церковной организацией в создавшихся политических обстоятельствах.

Можно считать доказанным положение 3 выносимое диссертантом на защиту: Установление монгольского господства, с одной стороны, дестабилизировало внутрицерковную ситуацию на Руси. Согласно исследователю, завоеватели посредством ярлыков подчинили своему влиянию митрополитов, что открыло перед русскими первоиерархами новые административно-канонические возможности. (Уже начиная с 1251 г., времени поставления Кирилла, в руках появились новые, прежде не использовавшиеся неординарные формы управления церковью: митрополичьи объезды лояльных Кириллу епископских кафедр и княжеских столов. Наконец, в 1274 г. по воле митрополита был проведён большой Собор во Владимире и вскоре введён единый

Номоканон унифицировавший деятельность церкви и монашества. Помимо этого, сформировались и получили каноническое закрепление новые источники содержания митрополита и епископских кафедр: разнообразные и очень обременительные поборы с духовенства. Таким образом, добившись монопольного права общения с Ордой, киевские митрополиты сумели подчинить своему влиянию большую часть древнерусского епископата).

Стоит обратить внимание на выводы автора об изменениях юридическо-правового положения церкви. Вполне закономерно, что изменения политической ситуации как на Руси, так и в рамках внешнеполитических отношений, поставило митрополичью кафедру перед необходимостью её признания Ордой. Это привело к установлению между русским первосвятителем и Сараем определённых отношений. Автор приводит детальные аргументы и подтверждения положениям о том, что церковь получила существенные экономические и административно-правовые иммунитеты, расширивших права митрополита и епископата. Ханские ярлыки церкви фактически устанавливали прямое управление над религиозными институтами Руси и фактически выводили высшую церковную иерархию из-под контроля великокняжеской власти. Именно так церковь стала равноправным участником политических процессов в русских княжествах того времени.

Несомненно, что изменения ситуации в Восточной Европе требовали оценок и осмыслений со стороны церковнослужителей. Автор отмечает, что была сформирована новая церковная доктрина в отношении новых монгольских властей. (Не вступая в прямое сотрудничество с монголами, высшая церковная иерархия открытием своей кафедры в Сараем способствовала росту политического влияния Орды и тем самым внесла свой вклад в усиление ордынского господства. Вместе с тем, ни о каком миссионерстве сарайского

духовенства говорить не приходится). Автор констатирует, что именно в эти годы была выработана концепция «казней Божиих», которая фактически осуждала любое сопротивление монголам. Однако стоит обратить более пристальное внимание на концептуальные послы в рамках выработанной доктрины: именно в конце рассматриваемого автором периода происходит переход русской письменной традиции от описания взаимоотношений с кочевниками с востока как предвестниками «Страшного Суда» к концепции восприятия событий в рамках процессов аналогичным «Вавилонскому плену» библейской традиции. На мой взгляд стоило бы обратить более пристальное внимание на различные оттенки оценочного характера, которые не могли не повлиять на позицию церкви – это и обозначение в Галицко-Волынской летописи зависимости от монголов как явления, которое «злее зла», это и вопрос «Последних времен», и проблема «плена/пленения». С одной стороны, эти аспекты не имеют прямого отношения к заявленной теме исследования. С другой стороны, вопрос об отношениях церкви с иноконфессиональными правителями, тем более, завоевателями, не могли проходить без идеологического мировоззренческого осмысления, обоснования и оправдания.

Важным результатом исследования является заключение автора о том, что к концу святительства митрополита Кирилла II положение киевской первосвятительской кафедры усиливается, возрастают права епископов в отношении подчинённого им духовенства. Кроме того, интересы митрополии всё более связываются с Владимиром, более спокойным с политической точки зрения, имевшим более тесные связи с Сараем и служившим местом пребывания великих баскаков. Всё это было связано с расширением именно церковно-ордынских связей.

Таким образом, выводы исследования, предложенные в качестве положений, выносимых на защиту, представляются вполне обоснованными и убедительными.

В центре внимания исследователя находится институт первоиерарха русской православной церкви того времени – киевского митрополита и его роль в становлении церковно-ордынских связей, их динамики, основных целей, направлений, методов и результатов церковной дипломатии в отношении Джучиева Улуса. В рамках рассмотрения указанных аспектов объектом исследования стали церковно-ордынские отношения в период формирования и укрепления монгольского господства на Руси в 1237-1281 гг., а предметно исследованы — административно-каноническая и церковно-политическая деятельность последовательно Киевских митрополитов Иосифа и Кирилла II. Данная сторона деятельности митрополитов в указанный период стал предметом исследования впервые, что обеспечивает **научную новизну** как самого исследования, так и **выводов и результатов, полученных в итоге написания диссертации.**

В силу того, что в рамках проведённого исследования значительным образом уточнен комплекс каноническо-правовых возможностей киевских митрополитов и системе организации высшей церковной власти в начальный период монгольского господства, а также существенно конкретизирована роль митрополитов в установлении монгольского господства над Русью и трансформации церковной организации в целостный и в значительной мере независимый от княжеской власти институт, результаты работы представляют собой **важный эмпирический и теоретический материал, который необходимо использовать при разработке различных вопросов истории русских княжеств, общества и церковной организации в XIII столетия.**

Несомненно, что выводы и результаты исследования могут найти практическое применение **при разработке общих и специальных учебных курсов** при освещении истории Евразийского Средневековья.

Представленная рукопись Галимова Тэймура Рустэмовича «Место киевского митрополита в церковно-ордынских отношениях: 1231-1281 гг.» является целостным законченным исследованием, структура которого обоснована и соответствует целям и задачам, поставленным во вводной части диссертации.

Таким образом, исследование Т.Р. Галимова представляет собой детальное раскрытие поставленной проблемы. Однако предложенная рукопись не лишена недочетов и положений полемического характера. В частности, автор избежал анализа концептуальных мировоззренческих установок в среде православных интеллектуалов того времени. Надо отметить, что это не простая задача, требующая скрупулёзного отбора известий, что не входит в круг задач исследования. Тем не менее, проблему становления и развития отношений между Русской Православной церковью и ордынским двором, между религиозно-ценностными ориентирами и иноверной властью, невозможно изучить в полной мере, не уяснив изменений мировоззренческих представлений православных первоиерархов, которые транслировались пастве и выстраивали у христианского населения Руси мировосприятие и миропонимание процессов вселенского масштаба, к которым, несомненно, относили современники нашествие монголов.

Не обосновано в исследовании и не использование автором таких важных и обширных сводов как Львовская и Воскресенская летописные своды. И если отсутствие в анализе источников последнего свода – Воскресенской летописи – можно списать на небрежность и не внимательность автора, ибо в

списке использованных источников данный свод присутствует, то выпадение из поля зрения Т.Р. Галимова Львовского летописного свода вызывает необъяснимое недоумение. Ведь именно во Львовской летописи помещен сборник ярлыков ордынских ханов (краткое собрание) в том числе грамота хана Менгу-Тимура митрополиту Кириллу от 1267 г., то есть, документы имеющие прямое отношение к проблематике диссертации. Имея скудную источниковую базу исследователи истории XIII в. вынуждены весьма внимательно относиться к происхождению информации, к различным редакциям источников, их появлению или исчезновению из летописных сводов. К сожалению, в предложенной работе данный аспект остался незатронутым. Между тем, краткое собрание ярлыков издавалось неоднократно. Так в 1792 году Н.А. Львовым был опубликован текст летописи, получившей впоследствии имя издателя (Львовская летопись). Издан текст был по копии XVIII столетия с утраченной рукописи Спасо-Евфимьева монастыря, где краткое собрание ярлыков было внесено в летописный текст. Затем, уже в 1842 году издание Н.А. Львова послужило одним из источников контаминированной публикации В.В. Григорьева. При издании летописи в 1910 году в составе «Полного собрания русских летописей» (двадцатый том) С.А. Андрианов и А.Е. Пресняков опубликовали новонайденный тогда Эттеров список Львовской летописи, также включавшей краткое собрание ярлыков. Подготовка публикаций летописи сопровождалась и источниковым анализом состава свода, в том числе исследователи касались и вопросов происхождения и степени информативности Краткого собрания ярлыков вообще и грамоты Менгу-Тимура, в частности. К сожалению, в работе Т.Р. Галимова не нашли отражения данные аспекты источниковедческого характера базы исследования.

